

Цзян Кай проснулся и почувствовал, что находится в другом месте. Его самочувствие значительно улучшилось, вот только живот предательски урчал. Что ж, Цзян Каю пришлось признать: он проснулся от голода. Как же хочется есть! Почему же новая мама до сих пор не придет покормить своего милого малыша? Став младенцем, Цзян Кай всё чаще ловил себя на том, что ведет с собой внутренние монологи — должно быть, это привычка, выработанная еще в утробе матери. Внезапно его осенило: он, двадцатилетний взрослый человек, будет сосать материнское молоко? Какой позор! И пусть эта женщина — его мать, а сам он — беспомощный младенец, от одной мысли об этом становилось не по себе. Но ведь он так хочет есть! Да плевать на всё! Ради выживания гордость — ничто. Буду есть, и точка! Пришлось признать: беззубый Цзян Кай стал еще бесстыднее и толстокожее.

Придя к такому выводу, Цзян Кай попытался сообщить семье, что проголодался, но вот беда — говорить он не умел. Какая досада! Он не знал, в какую эпоху или страну переродился, и говорят ли здесь по-китайски. В конце концов, это был язык, на котором он проговорил более двадцати лет: он не только стал для него родным, но и не требовал изучения. Цзян Кай подозревал, что последнее для него даже важнее. Но сейчас он младенец, поэтому пришлось прибегнуть к универсальному языку всех детей.

И вот, раздалось громкое Ва-а! Двадцатилетний мужчина зарыдал, обратившись к лежащему рядом человеку. Слез не было, только вопли. Стоит заметить, мужчина рядом был невероятно хорош собой: тонкие, как ивовые листья, брови, глаза, подернутые дымкой сна, а при взгляде на ребенка — полные нежности. Красивые глаза, изящный нос, маленький, точно вишенка, рот, а красная метка в форме цветка сливы на лбу делала его внешность настолько утонченной, что было трудно определить пол. Однако Цзян Кай с первого взгляда понял, что это мужчина. Неужели это его папа? Почему он не видит маму? Но стук его сердца был таким знакомым. Цзян Кай продолжал кричать, не переставая разглядывать мужчину.

Сы Юй, услышав плач ребенка, мгновенно проснулся, взял малыша на руки и принялся тихонько баюкать: Послушный малыш, почему ты плачешь? Проголодался? Сы Юй решил, что ребенок, должно быть, хочет есть — ведь с момента рождения прошло несколько часов, и всё это время малыш проспал, так и не поев.

Услышав слова того, кого он принял за папу, Цзян Кай окончательно остолбенел. Черт возьми, языковой барьер! Видимо, Бог не услышал его молитв. Превосходство от того, что у него за плечами был двадцатилетний жизненный опыт, мгновенно улетучилось — учиться говорить придется с нуля. Пока он размышлял, подошел статный, красивый мужчина, от которого веяло успехом. Он о чем-то переговорил с тем, кого Цзян Кай считал отцом, нежно погладил ребенка, поцеловал папу в лоб и вышел. Что вообще происходит? Цзян Кай был в полном замешательстве. Не успел он подумать, кто это был, как в дверях показался ребенок лет пяти-шести, который, оглядевшись, вошел в комнату. Цзян Кай с опозданием заметил, что его зрение стало подозрительно острым — это совсем не соответствовало младенческому возрасту. Или здесь все дети такие?

Матушка, тебе лучше? — спросил Доу Вэнь, хотя его взгляд невольно скользнул к младшему братишке.

Вэнь-эр, какой ты послушный. Мне уже намного лучше. Пришел поведать брата? — Сы Юй

нежно посмотрел на старшего сына.

Услышав, что малыш плакал, Доу Вэнь, ставший ярим защитником брата, нахмурился: Что с ним случилось? — он очень переживал, ведь у братишки было слабое здоровье.

Наверное, проголодался. Ничего, Вэнь-эр, не волнуйся. Ты сегодня вовремя принял питательный раствор? — Сы Юй улыбнулся, глядя на рассудительного сына.

Да, принял, матушка, не беспокойся, — ответил Доу Вэнь и повернулся к Цзян Каю: Братишка, я твой старший брат! Отец пошел за питательным раствором, так что води себя хорошо и жди, — говоря это, он погладил крошечные ручки и щечки младенца, поражаясь тому, какие они мягкие.

Сы Юй с нежностью наблюдал за их общением.

Цзян Кай слушал их щебетание, не понимая ни слова! Вспоминая, как трудно давались ему иностранные языки в прошлой жизни, он понял, что теперь ему предстоит учить новый, причем выбора нет. Будучи сиротой, Цзян Кай в годы обязательного обучения не любил английский. Он вырос в детском доме и чувствовал сильную привязанность к своей стране, поэтому после окончания школы сразу ушел в армию. Возможно, из-за отсутствия тоски по дому и близких, он чувствовал себя в армии как рыба в воде и благодаря выдающимся результатам стал спецназовцем. Позже, выполняя задания, ему пришлось учить множество языков, и теперь, вспоминая то время, он содрогался — языки были настоящими мучителями. Наверное, от безделья он всё чаще предавался воспоминаниям. Хватит! Раз судьба дала ему второй шанс, он должен использовать его по максимуму. К тому же, теперь у него есть семья, хотя он до сих пор не разобрался, кто из них кто.

Очнувшись от мыслей, он увидел, что карапуз с глупой улыбкой что-то ему лепечет и тычет в него пухлыми пальчиками. Погодите-ка! Неужели этот ребенок — его старший брат? Судя по тому, как фамильярно тот себя вел, это было очень похоже на правду. При мысли о том, что ему придется называть этого пяти-шестилетку братом, Цзян Кай почувствовал, как на лбу проступает невидимый иероглиф досады. Будущее казалось мрачным!

Хотя брат был еще совсем маленьким, в его глазах читалась искренняя любовь. Цзян Кай через силу дернул уголок рта, отвечая на его заигрывания.

Матушка, смотри, братишка мне улыбнулся! — Доу Вэнь пришел в восторг. Цзян Кай одарил его презрительным взглядом: подумаешь, достижение! Но для человека, не знавшего семейного тепла, в глубине души зародилось странное, новое чувство. Однако живот урчал всё сильнее. Когда же его наконец покормят?

Братишка, наверное, так тебя любит, что решил улыбнуться, — Сы Юй показалось, что в глазах младенца мелькнуло презрение, но он решил, что ему просто показалось. В этот момент в комнату вошел Доу Ху, держа в руках особый детский питательный раствор.

А вот и обед нашего малыша! — сказал он, забирая ребенка из рук Сы Юя, чтобы покормить изголодавшегося Цзян Кая. — О чем болтали? Выглядите такими довольными.

Ни о чем особенном... — начал Сы Юй.

Отец, братишка только что мне улыбнулся! — выпалил Доу Вэнь. Сы Юй беспомощно посмотрел на сына: Посмотрите, как он радуется. Ребенок такой крошечный, как он может понимать слова? Конечно, это была случайная улыбка. Но, не желая гасить энтузиазм сына, Сы Юй лишь виновато улыбнулся партнеру.

Цзян Кай, который в этот момент поглощал еду, был в шоке: что это за гадость? Такая невкусная! Но ему нужны были силы, а выразить протест он не мог, так что пришлось смириться. Он еще не знал, что эта невкусная смесь станет его основным рационом на долгое время, причем стоит она будет немало.

Дни текли в уютной атмосфере. Цзян Кай решил, что, возможно, местные младенцы обладают повышенным интеллектом, ведь к концу первого месяца он уже практически освоил язык и был полон любопытства к этому новому миру.

<http://bllate.org/book/21276/2156096>